

«Не все 80 постановок были бездарны»

Юг Галль прощается с Opera Bastille

*Коммерсантъ. В. - 2004 - 31
март - с. 22*

отставка опера

16 июля пройдет последний спектакль сезона в парижской Opera Bastille. «Волшебная флейта» Моцарта подведет черту не только под очередным сезоном, но и под эпохой главного интенданта театра Юга Галля. Она продолжалась девять лет. С сентября к руководству Парижской оперой приступает Жерар Мортье (впрочем, реально он работает над будущими проектами уже давно, а рабочий кабинет в здании оперы ему выделили сразу после назначения). Под руководством Юга Галля Парижская опера стала одним из наиболее ярких явлений мирового театра — не случайно сейчас он является одним из реальных кандидатов на пост руководителя Зальцбургского фестиваля (см. статью на стр 21). ЮГ ГАЛЛЬ дал интервью обозревателю «Домового» АЛЕКСЕЮ МОКРОУСОВУ специально для „Ъ“.

— Что изменилось за те годы, что вы провели в кресле интенданта Парижской оперы?

— На моих глазах сменилось поколение зрителей, и я могу это утверждать смело. Сегодня культурную жизнь в Париже невозможно себе представить без вечерних оперных спектаклей. Помимо сотен тысяч зрителей, которые посещают нас ежегодно, есть еще бесчисленные записи на DVD и видео, трансляции по радио, и на фоне многих новых видов искусства, не существовавших в XIX веке, можно по-прежнему говорить об особом социальном статусе оперы. Во Франции сегодня она часть повседневности, и в этом проявляется ее современность, а не только в том, что у нее современные средства выражения.

— Какой вы видите оперу XXI века? Будет ли она развиваться по линии вагнеровской гигантомании или вы предполагаете для нее иные перспективы?

— В конце концов, и вагнеровский взгляд на оперу является далеко не ведущим уже в XX веке, особенно после появления нововенской школы, на которую возлагались столь большие надежды. Вагнеровский стиль все еще жив, конечно, но дела его не так уж блестящи. Другие формы музыкального театра, быть может, не столь салонны, но они нравятся миллионам — прежде всего мюзиклы или музыкальные комедии, трогательные сердца столь многих. В их эволюции многие видят будущее музыкального театра.

— Как вы относитесь к становящемуся все более массовым вторжению драматических режиссеров на оперную сцену?

— Это то, что помогает опере развиваться и не дает ей погрязнуть в самой себе. Без новых интерпретаций общество, меняющее

ся каждые 20–30 лет, оказывается не в состоянии идентифицировать себя со старыми постановками. И пусть поставленная у нас «Пиковая дама» Додина породила большую полемику — люди, по крайней мере, стали задумываться, что такое сегодня этот шедевр Пушкина и Чайковского.

— Есть ли критики, чьи рецензии и статьи вы читаете с особым интересом?

— Я читаю все и всех, особенно когда речь идет о новых постановках. Интересно, скажем, что в случае с нашей премьерой, «Последним пространством» немецкого композитора Матиаса Пинчера — опера писалась по нашему заказу, заметна разница между реакцией национальной и международной критики. Если иностранцы пишут об опере как об интересном явлении, заслуживающем анализа, ставшем событием, в том числе и благодаря уровню исполнения, то французы чаще ограничиваются разбором либретто: насколько композитор смог проникнуть в подробности биографии Артюра Рембо. Это скорее анализ поверхностности. Но в целом я принимаю все высказывания, за исключением разве что критиков Le Monde — их стремление систематически уничтожать девять десятых нашей продукции вызывает во мне отторжение. Все же не все 80 новых постановок за последние 9 лет были столь одинаково бездарны, как заставляет то думать тон их критики.

— Что вы намерены делать после отставки, остались ли у вас нереализованные мечты?

— Мне не хочется делать чего-то сверхъестественного. Моя мечта — обладать небольшим театром мест так на 450 с отменным и оркестром, и голосами, которые могли бы «в стиле» исполнить, скажем, французскую оперу. Потому что правда оперы не только в музыке, но и в словах.

— Странно слышать это от человека оперы.

— В последние 30 лет — в этом есть и моя вина — развилась система предпочтения музыкального качества, качества голоса всему остальному. Но в опере так важно, чтобы произведения исполнялись носителями языка, ибо за фонетическим качеством исполнения следует качество понимания. Особенно это ценно в операх Моцарта и Россини, где обилие речитативов требует от певцов особой прочувствованности. Конечно, бывают разные ситуации, и в Рихарде Штраусе порой певица, для которой немецкий не родной, споет даже лучше носительницы языка. Но в целом не самый, может быть, выдающийся, но с пониманием поющий в «Онегине» русский певец, передающий подлинность и Пушкина, и Чайковского, всегда лучше какой-нибудь иноземной звезды передаст эмоции, которые вложил в музыку автор. Поэтому я так надеюсь, что Большой будет эволюционировать в сторону западной модели театра медленно — в труппе достаточно интересных голосов, способных передать дух произведения. Надеюсь, вы не повторите ошибки, сделанной во Франции в 60-х, когда были расформированы многие оперные труппы по причине их якобы плохого состава. Там, конечно, не все были первоклассными певцами, но в итоге погибло так много традиций. Франция такая страна, которая не умеет реформироваться — все здесь происходит через революцию.